Л. Веприцкая

Как мы жили при немцах

В105 180

Л. ВЕПРИЦКАЯ

КАК МЫ ЖИЛИ ПРИ НЕМЦАХ

Рисунки
К. ГОЛЬДШТЕЙНА

НАРКОМПРОС РСФСР
Государственное Издательство Детской Литературы

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
772352

ОГЛАВЛЕНИЕ

Едем к тете в деревню 3
Война подходит к нам 5
Черный день наступил 7
Как нас выгнали из дома 9
Бок о бок с немцами 12
Как фашист обидел Женечку 15
Ефим Егорыч валенки спасает . . . . . —
Как нас в салазки запрягли 18
Как наш Партизан немцев напугал 20
Вечерняя гостья 21
Про мальчика Тихона и его отца 23
Наши возвращаются! 25

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Редакторы *Л. Кон* и *Л. Пекуровская.*

Подписано к печати 16/X 1942 г. 2 печ. л. (1 3/8 уч.-изд. л.). 2 224 зн. в печ. л. Тир. 50 000 экз. ФЕ1812. Цена 60 коп.

Областная типо-литография. Киров, пл. Ст. Халтурина, 40. Зак. 3586.

Есть у меня знакомые ребята—Сережа, Миша и их сестренка Катюша.

Сережа старший, ему двенадцать лет исполнилось, Миша помоложе года на два, а Катюша совсем маленькая — ей семь лет на-днях минет.

Этим ребятам пришлось прожить в деревне, занятой немцами, два месяца и двенадцать дней.

Вот что рассказал мне Сережа о том, как они жили при немцах.

ЕДЕМ К ТЕТЕ В ДЕРЕВНЮ

Еще весной, когда войны не было, мама решила отправить нас на все лето из Москвы к тете в деревню. Мы с нетерпением ожидали дня, когда поедем.

Наконец счастливый день настал. Папа приходит с работы и говорит:

— Билеты в кармане, можно собираться! Ну, мальчики, готовьте в дорогу свой скотный двор.

Так называл он в шутку наших морских свинок — Пыжика и Чипу.

Мы стали быстро укладываться и наутро сели в поезд. На верхней полке поехали корзина и чемодан, на нижней лавке уселись мы с мамой и Катя со своей куклой, а под лавкой, в ящике, ехали морские свинки Пыжик и Чипа. Чтобы они не пищали, мы положили им запас морковки и хлеба.

Поезд тронулся. Папа шел за вагоном, махал платком и улыбался нам. Никому из нас и в голову не приходило, что мы расстаемся надолго.

Потом мы плыли на пароходе по реке Оке, а из города Тарусы поехали на лошадях со своими свинками и вещами.

Путешествие было очень интересное и веселое.

Так мы приехали к тете в деревню.

Деревня стоит на высоком берегу реки Оки, кругом густые зеленые леса; выйдешь из дома, посмотришь вокруг — простор, очень хорошо!..

Выше всех домов, на горе, новая колхозная больница и неподалеку от нее домик, где живет тетя.

Наша тетя — доктор в больнице. При ней строили новый дом, и тетя старалась, чтобы в больнице все было самое лучшее.

И правда, больница вышла такая красивая, прочная. Палаты уютные, а уж чистота! Тетя, когда обход делала, все пальцем трогала, нет ли где пыли. Возле каждой кровати стояли цветы в банках, и больные шутили, что им даже домой уходить не хочется из такой хорошей больницы.

В колхозе было очень интересно жить. Мы с Мишей бегали смотреть, как работают тракторы и косилка, ездили на мельницу.

Сенокос — вот было самое веселое время! Мы помогали сгребать сено и возить. Так мы заработали нашим свинкам — Чипе и Пыжику — сена на всю зиму.

Катя играла в саду с девочками в куклы и поливала цветы, а тетя сердилась, что у нее вечно мокрые ноги

Дел было очень много: то на реку сбегать выкупаться, то в колхозе помогать, то кур кормить, то цветов для больных нарезать.

Вечером тетя приходила с работы, мы пили чай в саду, солнце тихо заходило за лес. Свинки бегали в траве у наших ног, Чипа на задние лапы становилась, усами шевелила, выпрашивала себе кусочек булки.

Так спокойно было, красиво вокруг...

ВОЙНА ПОДХОДИТ К НАМ

Вдруг началась война, и все изменилось. Молодые колхозники ушли в Красную армию. Скучно стало в деревне.

Мама и папа слали письма из Москвы, беспокоились о нас. Потом пароход перестал гудеть на Оке, и писем не стало.

Осенью, длинными вечерами, мы с тетей дожидались последней сводки. Но радио сообщало нам дурные новости: немцы все продвигались вперед.

Перед сном мы выходили на крыльцо подышать свежим воздухом. Тетя курила, Катя дремала на скамеечке рядом с нею. Мы с Мишей тихо сидели на ступеньках и разговаривали про Красную армию, про подвиги героев.

Один раз светила луна, было холодно, ясно и так мирно, что я подумал: „Нет, не может быть, чтобы война подходила к нам“.

Вдруг Катя говорит:

— А какие они, фашисты?

Тетя помолчала и тихо ответила:

— Отвратительные. Лучше бы тебе, девочка, никогда их не видеть... Однако вам спать пора, дети.

Когда мы уходили в дом, я услышал, как тетя бормочет:

— Боже мой, неужели они придут?!

Ночью я проснулся оттого, что в комнате у тети

гудел мужской голос. Я узнал сразу—это Владимир Иванович, председатель колхоза.

— Прощайте, — сказал Владимир Иванович и вышел, стараясь не стучать сапогами.

Издалека доносилась стрельба, и мне стало так смутно на душе!

Утром Мишка пулей влетел в комнату; он уже успел всю деревню обежать, и по носу его было видно, что новости принес.

— А я знаю, где Владимир Иванович и где учитель, знаю! Они в партизаны ушли: немцы близко!

— Знаешь — и молчи, — сказала тетя строго.

Днем поднялась такая стрельба из артиллерии, что мы попрятались в погреб. Под землей было темно, сыро и так нудно сидеть и ждать — вот опять бахнет... Вдруг страшно загудело — это пролетел немецкий самолет. Прошел над деревней очень низко и обстрелял из пулеметов.

Потом стало так тихо, что все прислушались. Кто-то застучал по крыше погреба, и раздался крик:

— Больница горит!

Тетя выскочила из погреба, я за нею. Все, кто был в колхозе, кинулись тушить пожар и спасать больных. Больных спасли, а больница—такая хорошая, такая красивая больница—сгорела!

Только поздно вечером мы пришли домой и сели пить чай. Я всем налил, но тетя не брала своего стакана. И я заметил, что у нее обожжены руки.

Я кинулся искать мазь, но тетя сказала: „Не надо", и заплакала.

— Что руки! Больницы-то нашей нет больше...

Катя глядела на тетю во все глаза и тоже заплакала, и мы с Мишей скисли. Тетя вытерла глаза рукавом—видно, руки очень болели — и тихо сказала:

— Только не плакать! Война окончится—новую больницу построим.

Тете было не до хозяйства, а я пошел в кладовую—думаю, немцы идут, надо все убрать. Особенно я боялся за яйца.

Летом у нас было семь кур, они нанесли много яиц. Мы их копили, не ели, только одной Кате давали (она маленькая). Тетя говорила:

— Яйца надо сберечь на самый черный день, если нечего будет есть.

В корзине лежала сотня яиц: крупные, белые, одно к одному. Я полюбовался яйцами, какие они лежали красивые, потом поставил корзину в дальний уголок, закрыл подстилкой, закидал сеном. „Ну, — думаю, — так будет ладно".

Ночью все спали плохо, а тетя вовсе не ложилась. Всю ночь она ходила по своей комнате и потихоньку стонала.

А наутро в деревню вошли немцы.

ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ НАСТУПИЛ

Утром мы сидели за столом. На столе лежали два яйца — я приготовил для Кати, но сварить не успел.

Вдруг дверь распахнулась, и в столовую вошел немец. Мы все посмотрели на него. Нос у него был синий — видно, он очень замерз, — и весь он был какой-то щуплый и обдерганный. Немец увидел на столе яички и сразу направился к ним, но спросил тетю:

— Можно?

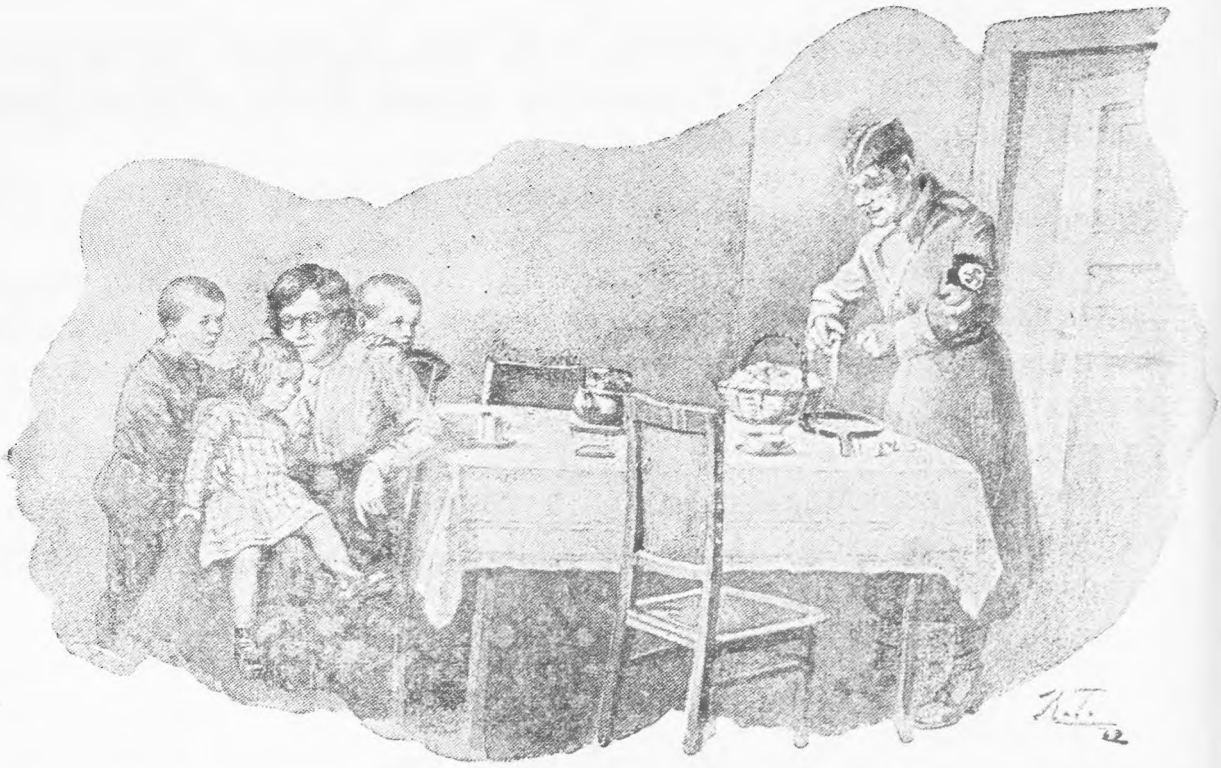
Тетя махнула рукой: можно, мол, бери.

Немец раскокал одно яйцо, выпил, раскокал другое яйцо, выпил. Так и пил — сырые, без соли, но очень ловко. Потом прямым ходом побежал в кладовку. Я слушал, как он там все расшвыривает. „Ну, — думаю, — яйца ищет".

Довольно живо немец нашел корзину с яйцами, притащил. Взял сковородку, быстро-быстро стал яйца разбивать и на сковородку выпускать. Теперь он не спрашивал: „Можно?"

Катюша не выдержала и говорит:

— Тетя, что он делает! Скажи — нельзя!



Но тетя молчала.

Немец никак не мог открыть дверь: в одной руке у него была сковородка, в другой — корзина с яйцами. Тогда он со всей силы ударил в дверь ногой; одно яичко упало из корзины и разбилось. Немец глупо захохотал и ушел.

Потом явились три немца и принялись выносить из дома всю еду. Они вынесли сало, муку, картошку, молоко — ну, все как есть.

Так они трудились и пыхтели и таскали мешки и кулечки, точно нас на свете нет. А мы сидели тут же и смотрели. Я понял, что мы для немцев — ничего, пустое место.

Когда они все унесли, вошел опоздавший немец. Этот здорово умел искать, настоящий сыщик! Он долго шарил по всем углам и ворчал: „Цум тейфель!“ — значит, к чорту.

Я сидел и дрожал: „Найдет — не найдет?“

Нашел!.. Заглянул под мою подушку, вытащил кусок хлеба, самый последний, что я спрятал. И он взял хлеб.

Тетя смотрела в окно, будто и не видит. Миша ерзал на стуле — вот-вот вскочит и вцепится в немца. Тогда я встал и сказал по-немецки:

— Оставьте хлеб детям! — И прибавил: — Битте, — значит, пожалуйста.

Немец замахнулся на меня кулаком и унес хлеб.

На крыльце он бросил хлеб своей, немецкой, собаке.

КАК НАС ВЫГНАЛИ ИЗ ДОМА

Тетя совсем не спала, все курила и думала. Так прошло два дня.

На третий день эти немцы ушли. Тетя повеселела.

— Ну, ребятки, принимайтесь за работу. Будем устраивать амбулаторию.

Дом наш небольшой: в трех комнатах жили мы, а в четвертой — медицинская сестра Дарья Петровна.

Мы освободили две комнаты и начали их прибирать. Дарья Петровна вымыла полы кипятком и щеткой. Мы таскали воду из колодца, а тетя обметала стены. Потом тетя достала все свои чистые простыни и полотенца. Мы накрыли ими столы и диваны. Теперь в комнатах стало чисто, бело, как в больнице.

Тетя лечила больных, мы с Мишей помогали ей на приеме.

Колхозники принесли хлеба и горшочек сметаны. Тетя сказала:

— Спасибо, но не возьму...

Миша напыжился и сказал:

— Тетя!

Колхозники говорят:

— Ты как думаешь, Анна Ивановна, немцы, что ли, тебе жалованье заплатят? Немец — он не советская власть, а ребят кормить надо.

— Очень надо, — сказал Миша.

— Молчи! — велела тетя, но оглянулась и видит такую картину: сидит Катюша в уголке и быстро уплетает лепешку, что ей дала одна женщина. Тетя махнула рукой и отвернулась. А мы съели хлеб со сметаной.

Но через два дня в деревню пришли новые немцы.

Тетя осматривала больного. Вдруг хлопнула дверь, и в комнату быстрыми шагами вошел немецкий офицер. Он был толстый, рыжий, с острым носом и очень похож на крысу в штанах.

Офицер крикнул на больного:

— Хераус!

Колхозник не знал по-немецки, но сразу понял, что это значит: „Пошел вон!“, и выскочил, не одевшись.

Тетя встала, сняла очки и снова надела. Лицо у нее было такое, что я подумал: „Вот сейчас она тоже крикнет на немца: „Хераус!“

Но тетя сдержалась. Офицер-крыса сказал:

— Эти две комнаты я беру себе. Одна комната останется вам, другая — вашей помощнице. Как видите, я добрый. Но лечить русских мужиков — это глупость!

Тетя спорила, но офицер не стал слушать.

Утром мы проснулись от громкого плача Дарьи Петровны: немец и ее выставил из комнаты.

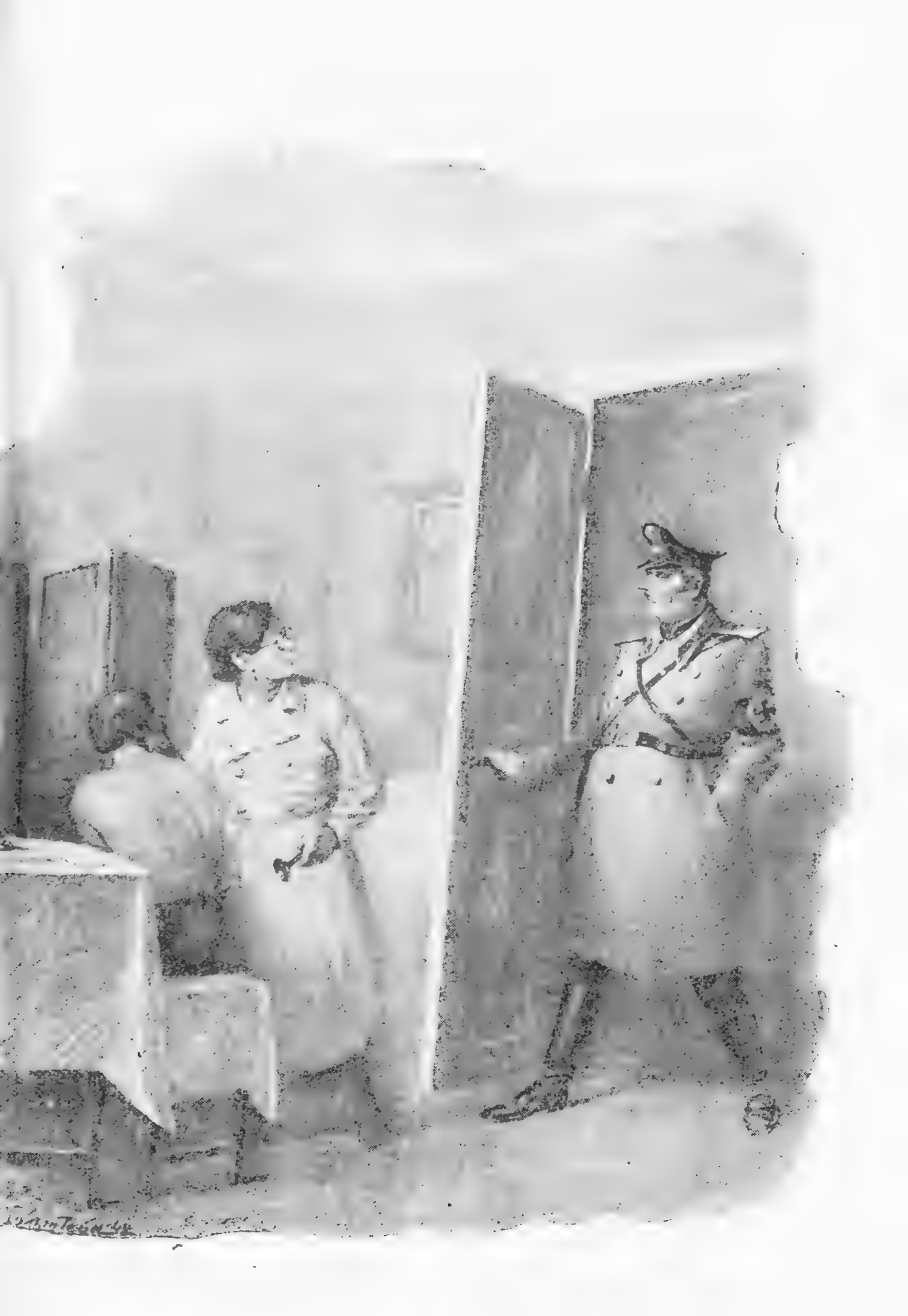
Мы взяли Дарью Петровну к себе. В нашу маленькую комнатку набили столько вещей, что мы сидели на сундуках, как на вокзале. Вдруг снова вошел офицер-крыса. Он был неодетый, в розовых подтяжках и еще выше задирал свой острый нос.

— Я передумал, — сказал он тете: — мне нужен весь дом. И прошу без слез, а то будет хуже!

— Ошибаетесь, — ответила тетя, — мы плакать не будем

— Хераус! — крикнул офицер-крыса.

Мы шли по деревенской улице. Впереди шла тетя и вела Катю. За ними шел я с узелками. Позади шел Миша и нес ящик с Чипой и Пыжиком.



Мы шли по улице и сами не знали, куда мы идем и где теперь жить. Из одного дома вышла старуха, поклонилась тете низко, по-старинному, и сказала:

— Анна Ивановна, докторица, пожалуйте к нам в дом!

— У вас у самих тесно, — ответила тетя.

— В тесноте, да не в обиде, — сказала старуха, и мы вошли в избу.

БОК О БОК С НЕМЦАМИ

Хозяином избы был Ефим Егорыч, уважительный старик, как его прозвала тетя.

У Ефима Егорыча была седая борода, как на картинках рисуют, а глаза хитрые, когда он нам подмигивал. Он и вправду был уважительный старик, веж-

ливый и с каждым человеком умел разговаривать, как надо.

Изба у Ефима Егорыча была маленькая, а народу в ней двенадцать человек. На ночь набилось еще штук пятнадцать немцев. Ужас как было тесно!

Немцы спали на кровати, на лавках и на печи. мы все — на полу, наши морские свинки — в углу, за дверью. Ночью прохода по избе не было.

Ефим Егорыч просил немцев об одном: чтобы они подстилали себе на лавки солому, но они непременно брали на подстилку снопы необмолоченной ржи.

Тогда Ефим Егорыч стал сам приносить им самое лучшее сухое сено. Но они сбрасывали сено с лавок и назло клали необмолоченную рожь.

Хозяин наш поглядит, поглядит, потом заберет бороду свою в кулак, выйдет на крыльцо и плюнет.

Но еще тяжелее было ему смотреть, как немцы сыпали своим лошадям в кормушки муку. У крестьян немцы всю муку взяли дочиста, хлеб было не из чего печь.

Один раз Миша спросил нашего хозяина:

- Ефим Егорыч, ну зачем они так делают?

— А зачем они сожгли мельницу, зачем молотилку разорили? — ответил Ефим Егорыч. — Не знаю зачем. Я, голубчик, разных животных на своем веку перевидал, однако с бешеными свиньями до сей поры встречаться не приходилось. Кто их знает, зачем они гадят да ломают!..

Ефим Егорыч с соседом молотили рожь цепами на дворе, а мы, все ребята, целыми днями вертели самодельную мельничку. Колесо у нее было тяжелое, скрипучее. Очень трудно было молоть зерно!

Из этой муки хозяйка пекла лепешки. Выходили лепешки черные, довольно страшные на вид, точно земляные, но другой еды не было.

Немцы усаживались вокруг стола и ели вкусную пищу. а ребята стояли рядом и смотрели. Нам они ничего не давали, даже Женечке, внуку хозяина. Женечке было

полтора года, он не мог есть черные лепешки и плакал от голода.

Впрочем, один раз немцы нас чуть не угостили. Они принесли целый окорок, отрезали своими острыми ножами толстенные куски ветчины и запивали ветчину водкой. Так они ели целый вечер и, видно, больше никак не могли осилить. А на кости оставалось еще немного мяса. Тогда старший немец осмотрел ее, вздохнул и показал, что мы можем взять кость себе.

Тетя ни за что не позволила есть после немцев, и хозяйка решила сварить щи. На другой день немцы вошли и сразу почуяли вкусный запах щей с ветчиной. Они велели им налить и так налегли, что нам ничего не осталось.

Жил в избе один молодой немец, по фамилии Шульц. Он вечно щелкал своим фотоаппаратом, все снимал: как старики цепами молотят, как мы мельничку вертим, как женщины по воду ходят.

Тетя спросила:

— Зачем?

Шульц засмеялся и сказал:

— Для германский газет. Чтобы видели культурные немцы, как живут дикие русские мужики.

— Но ведь у наших крестьян и мельница была, и молотилка, и отличная больница,—ответила тетя,—вы же сами все уничтожили...

Тетя говорила по-немецки, но Шульц сделал вид, что не понимает, и молча уселся за еду. Долго жевал и грыз куриные кости, потом сел против тети на лавку, снял рубаху и, голый, принялся искать вшей.

Два месяца мы жили с немцами в одной избе, и я только запомнил про них: едят, ищут вшей и спят. Вот и вся их культурная жизнь!

А тот „культурный“ Шульц-фотограф, который называл русских мужиков дикими, что он-то сам сделал с Женечкой!

КАК ФАШИСТ ОБИДЕЛ ЖЕНЕЧКУ

Мы все очень любили Женечку. Он был самый маленький в доме и такой ласковый — ко всем на руки шел.

Один раз ночью Женечка заплакал. Он плакал долго и очень жалко просил: „Молочка!“

Мать его баюкала, качала; он совсем было замолчит и опять за свое. Что с ним сделаешь—малыш и голодный!

Тогда Шульц-фотограф встал с лавки, зажег электрический фонарик. Шульц взял Женечку, посадил на стол и стал его бить: то по одной щечке, то по другой.

Ефим Егорыч кинулся к Шульцу, старался за руки его удержать:

— Побойся бога, немец, что делаешь?

Но фашист опять ударил, и Женечка страшно закричал.

Тогда мать схватила Женечку на руки, прижала к себе и крикнула на Шульца:

— Проклятый!

А этот Шульц взял ее за плечи и вытолкал неодетую за дверь, на улицу, вместе с малышом.

Была темная ночь, шел снег, и было очень холодно. Замерзла бы мать вместе с Женечкой насмерть, да спасибо,—соседи в сени пустили.

Я про это коротко рассказываю: про такие вещи и вспоминать не хочется.

ЕФИМ ЕГОРЫЧ ВАЛЕНКИ СПАСАЕТ

Ефим Егорыч сидел у окошка и трудился над валенками. На свои хорошие, крепкие валенки он ставил заплатки, хотя никаких дыр на них не было. А мы с Мишей стояли и смотрели, как он ловко управляется с шилом. Миша несколько раз рот открывал, чтобы спросить, что за штука, зачем на новые валенки заплатки лепить. Однако спросить он не решался: Ефим Егорыч не любил, чтобы от дела отрывали.

Ефим Егорыч долго старался и так обезобразил валенки, что дальше некуда. Но ему все было мало: он золы принес, присыпал и пальцем стал грязь растирать. Мы смотрели и удивлялись: „Старик, а балуется".

Наконец Ефим Егорыч поднял очки на лоб и подмигнул нам с Мишей:

— Загляденье, верно? Понравятся немцам? Как бы в Берлин на выставку не послали...

У меня валенок совсем не было, у Миши были очень рваные. Ефим Егорыч их осмотрел. Миша надеялся, что и ему валенки починят. Но хозяин остался очень доволен Мишиными дырками:

— Хороши! Носи, малец, какие есть. Валенки у тебя по форме.

Катя увидела, что все занимаются валенками и тоже стала разуваться. Протянула свои новые чесанки Ефим Егорычу:

— На, дедушка!

У нее были такие новенькие, крепкие валеночки, но они как раз и не понравились хозяину. Он повертел головой и сказал:

— Вот над этими придется поработать!

Однако до вечера он не успел, а вечером немцы тоже заинтересовались валенками: в этот день мороз был трескучий.

Они взяли валенки Ефима Егорыча и сказали: „Фуй!" Мишины валенки швырнули и стали всем ноги осматривать. Но люди были хитрые, немцами ученные: кто валенки попрятал и, несмотря на холод, не доставал, а кто в рваных сидел.

Немцы ворчали „фуй" и злились. Когда дошли до Кати, один немец вытащил нож. Катя испугалась, тихо заплакала и ноги поджала под лавку. Она подумала, что фашист собрался ей ноги отрезать.

Немец быстро стащил с Катиных ног валеночки и вырезал из них стельки себе в сапоги.

Так наша Катя осталась разутой.

КАК НАС В САЛАЗКИ ЗАПРЯГЛИ

Фашисты видеть не могли, чтобы русский человек спокойно по двору шел, чтобы ребята на улице играли: сейчас же работу зададут.

Тетя нас очень просила, чтобы мы пореже из избы выходили, но мы с Мишей не слушались—очень скучно днями в избе сидеть.

Один раз мы чуть было в беду не попали.

Утром солнышко выглянуло, морозец небольшой, хорошо так на улице! Выскочили мы за ворота, стали снежками кидаться. Вдруг навстречу немец из нашей избы.

Его фамилия была Баум, по-немецки значит дерево. Ефим Егорыч называл его дубиной, а тетя говорила: „Этот Баум редкий идиот!"

Если другие немцы смеялись, Баум удивленно хлопал глазами, когда же все замолкнут, он заржет, как конь,— соображал он очень туго.

Идет по улице навстречу нам Баум, кричит:

— Хальт!

Мы остановились, и Баум велел нам на салазках воду возить. Мы таскали воду из колодца ведром, наливали в бочонок, что стоял на салазках, везли к конюшне и сливали в большую бочку.

Так мы возили воду очень долго, устали, промерзли. Я в калошах был, у меня ноги закоченели, а у Миши— руки: он варежки нечаянно облил.

Везем мы последний бочонок медленно и радуемся— сейчас Баум нас домой отпустит. А он стоит, за нами наблюдает, в руке у него кнут. Наконец бочка полная с верхом, но Баум показывает: „Опять бегите к колодцу". И сам за нами пошел.

Налили мы бочонок, смотрим: куда же везти? Баум командует:

— По дороге везите, на гору!

И кнутом машет. По ногам нас хлестнул, орет:

— Шнеллер, шнеллер, скорее!—и заржал своим дурацким смехом.

Мы с Мишей припустились бегом. Дорога в гору, гора крутая, ноги скользят, бежать трудно с тяжелыми салазками, веревка плечи режет, но мы пыхтим, везем что есть сил; слышно мне — Миша дышит, как загнанный лошаденок.

А позади Баум кричит свое: „Шнеллер, шнеллер!“

Вскарабкались мы на гору, огляделись—улице конец, вот и околица. А у околицы немец-часовой стоит, автомат на прицел взял. Русским запрещалось за околицу выходить,—кто по дорогам ходит, тот считается партизаном.

Миша на меня посмотрел, я на него. Миша говорит:

— Сережа, ведь он нас застрелит!

— Ну да, застрелит!..

Так мы стоим и не знаем, что делать. Впереди часовой с автоматом:

— Хальт, стой!

А позади Баум с кнутом:

— Шнеллер, скорей!

Тетя в окно увидала, как Баум нас погнал в гору, выскочила, кинулась за нами. А тут, на наше счастье, ефрейтор зачем-то позвал Баума. Пока он с Баумом разговаривал, тетя быстренько увела нас домой. Сначала расцеловала, потом заплакала и стала ругать, что мы непослушные мальчишки, уложим ее в гроб.

С тех пор мы боялись на улицу выходить.

КАК НАШ ПАРТИЗАН НЕМЦЕВ НАПУГАЛ

Мы немцев боялись, а немцы—партизан.

Партизаны в лесах прятались, немцев ловили, обозы их перехватывали, а иногда и на деревни, где немцы стояли, налеты устраивали. Налетят партизаны ночью с гранатами, с пулеметами, перебьют немцев, сколько смогут, и опять в лес.

Очень их немцы боялись. Вечером ни за что ни один из избы не выйдет; чуть стемнеет, залягут и храпят. Часовой и тот в избу забраться норовит: зайдет в сени, будто погреться, к стенке привалится и храпит.

Ох, и здоровы немцы спать, ничем, кажется, не разбудишь!

Один только раз немцы мигом проснулись. Вот как это было.

У наших хозяев жил котенок. Еще совсем маленьким котофеичем он словчился и поймал мышь. Хозяин увидал и говорит:

— Вот так кот боевой, чем не партизан!

Так и стал котенок прозываться Партизаном.

Как-то под вечер четверо немцев спали на лавках. Больше в избе никого не было, кроме нас с Сережей. Мы стали играть с котенком. А котенок так развозился, что взял да и прыгнул на голову одному немцу. Я напугался, как закричу на него:

— Партизан, сюда!

Вдруг немцы кувырком с лавок и все к окнам враз кинулись. Мы с Сережей—в сени, прижались в уголок,

стоим тихонько, не дышим. Немцы мимо нас во двор выскочили, кричат: „Партизан, партизан!..“

Настоящие партизаны, когда про этот случай узнали, говорят, очень смеялись.

ВЕЧЕРНЯЯ ГОСТЬЯ

Сидели мы раз в избе, сумерничали. Никто не заметил, как тихо вошла девушка с большим свертком в руках. Все вздрогнули, обернулись на ее голос:

— Добрый вечер! Вот и я, Наташа...

Девушку никто не знал. Ефим Егорыч подошел к ней, и она тихо прибавила:

— Вам поклон от Гриши.

Гриша был племянник Ефима Егорыча, он в партизанах ходил.

— Садись, гостьей будешь!—ответил хозяин и стал зажигать коптилку. Я заметил, как у него руки дрожат.

В ту пору в избе был немец-солдат. Он спросил, что за девушка, что у нее в свертке.

Ефим Егорыч объяснил—это соседка. Девушка стала разворачивать сверток. Когда она тряпки размотала, все увидели маленького спящего мальчика. Немца позвал офицер, и он ушел ворча.

— Как ты по дороге прошла?—спросил Ефим Егорыч.—Ведь немцы всех прохожих стреляют.

— Я не по дороге,—сказала девушка,—меня Гриша лесом провел. Он велел вам передать так: „Я жив, здоров, того же вам, дядя, желаю. Вскорости домой ждите“.

Хозяйка наша охала и вздыхала и отогревала мальчику руки и ноги. Подошла тетя, стала помогать.

Мальчик проснулся, заплакал—он промерз очень. Девушка сказала:

— Молчи, Витя!

И малыш сразу замолчал. Обнял рукой девушку за шею и так сидел у нее на коленях и на всех смотрел.

— Братишка твой?—спросила хозяйка.

— Нет, сын, — ответила девушка. Голос у нее был отрывистый, словно ей не хотелось отвечать.

Но наша любопытная хозяйка не унималась.

— Сколько годков-то ему будет?

Девушка ничего не ответила, и хозяйка удивилась: как же так, не знает она, что ли, сколько сыну лет? Но Ефим Егорыч нахмурился и показал жене, чтобы больше вопросов не задавала.

Наташу напоили кипятком, лепешкой угостили. Она накормила мальчика, отогрелась и рассказала нам такую историю.

До войны Наташа была студенткой. Когда немцы заняли ее родной город, Наташа в лес ушла, пробралась к партизанам. Воевала, разведчицей была. Потом распрощалась с партизанами, пошла по тылам немецким, чтобы до Красной армии добраться. Я так догадался, что Наташа с поручением от партизан шла, но про это она нам ничего не сказала.

Долго шла Наташа, много дней и ночей. Как-то вышла она на опушку леса. Видит, над проселочной дорогой самолет немецкий низко-низко летит. Залегла в канаву, переждала и дальше отправилась. Видит, на дороге повозка разбитая, возле нее женщина мертвая лежит. Верно, женщина с повозки соскочила, убежать рванулась, а немец ее настиг. Лежит женщина, в руках у нее детская шапочка.

Идет Наташа дальше, через мостик. На мостике мальчуган сидит, зовет: „Мама, мама!..“ А ветер ему волосы треплет.

Подошла к нему Наташа, наклонилась. Мальчик обнял Наташу за шею и прижался к ней. Так крепко ухватился, что она руки его разжать не могла.

— Так и пошли мы вместе, — сказала Наташа. — Я иду, а он лапками за мою шею держится. Я у него одна на свете, и он у меня один...

Немцы в ту ночь в избе не ночевали. Сквозь сон я слышал, как шепчутся женщины.

— Мальца сберечь надо, — говорила хозяйка, — оставляй его у нас. Жива будешь — вернешься за ним.

В избе светало, когда я проснулся. Ефим Егорыч стоял одетый, в полушубке, в валенках. Наташа наклонилась над спящим мальчиком. Она поцеловала его, погладила его ручку, сжатую в кулак. Я услышал, как она прошептала: „Вернусь, Витенька, вернусь!“ Потом выпрямилась и отвернулась. Я увидел ее лицо. Она не плакала. Но лучше бы она заплакала!

Я накрылся с головой и долго лежал в темноте. Когда я высунул нос из-под одеяла, Наташи уже не было.

Так в нашем доме прибавился еще один жилец — Витя.

ПРО МАЛЬЧИКА ТИХОНА И ЕГО ОТЦА

Тихон был мальчик из нашей деревни. Ему двенадцать лет исполнилось, как и мне. Он очень любил всякие машины и сам вечно что-то мастерил. Если трактор разбирают, Тихон тут как тут, стоит смотрит, инструмент подает.

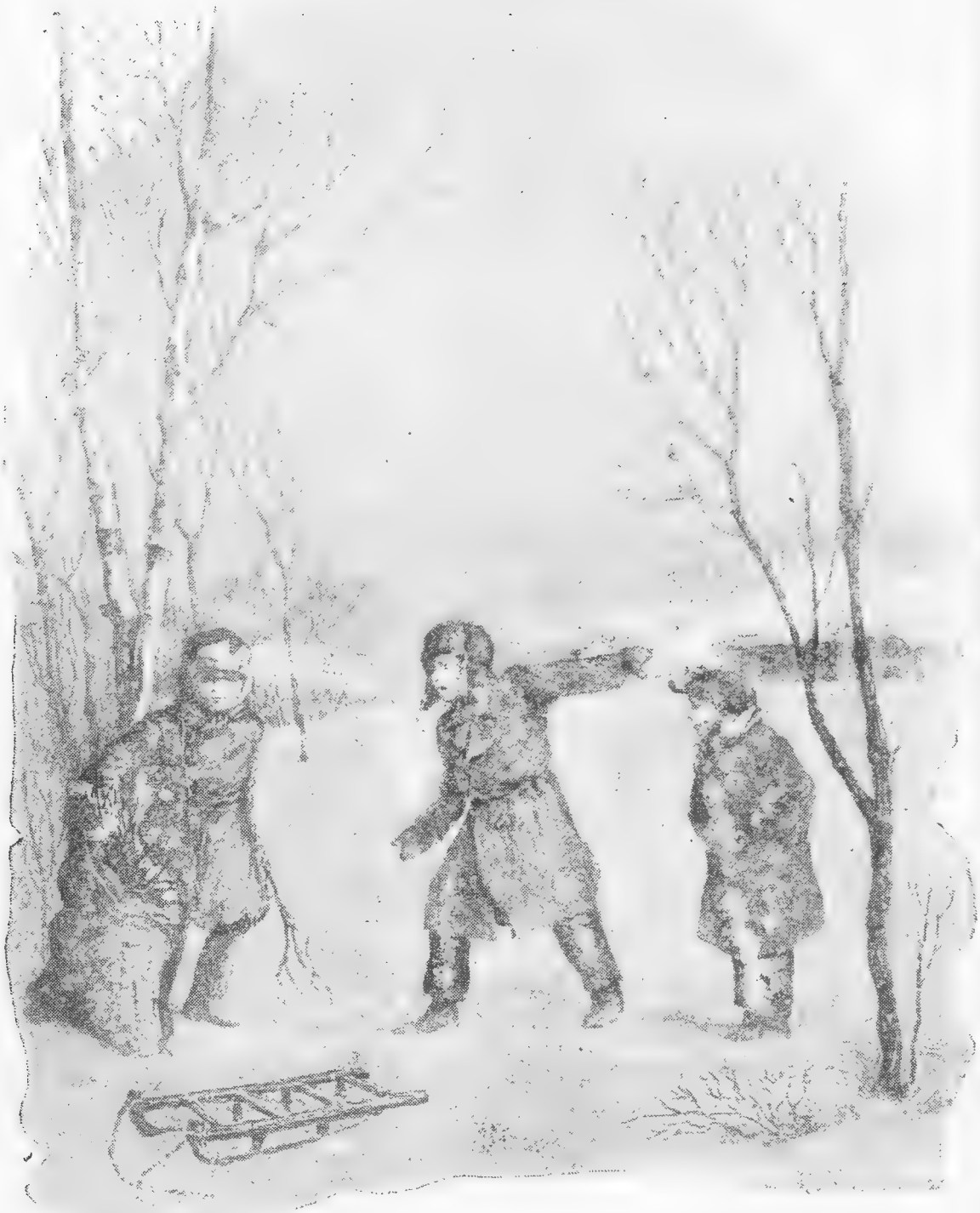
У него любимая книга была, про Эдисона, американского изобретателя. Ребята деревенские его дразнили: „Тихон, Тихон, Эдисоном будешь?“ А Тихон насупится, головой мотнет: „А может, и буду!“

В их избе тоже немцы стояли, монтеры. На столе у них всякая всячина лежала. Тихон всегда возле стола вертелся — очень уж хороши у немцев инструменты! Немцы его прогонят, Тихон опять тут.

Раз показалось одному фашисту, что у него изоляционная лента пропала. У них лент куча, им копейка цена, но немец разозлился:

— Мальчишка ленту украл. Позовите сейчас же, я его пороть буду!

Тихона дома не было, он хворост собирал. Ребята прибежали, говорят:



— Тихон, беда! Иди домой, тебя немец пороть будет!

Тихон только буркнул:

— Не дамся!

Потом затянул пояс потуже и говорит:

— Прощайте, ребята! Скажите отцу, я ничего не крал...

Ребята спрашивают:

— Куда ты пойдешь?

— В лес пойду, партизан искать...

И ушел. Ребята немцу объясняют: нет, мол, мальчика, пропал.

Фашист достал часы, показывает:

— Если в шесть часов ноль-ноль минут мальчишка не явится, его отцу худо будет.

И завалился спать. Ребята подумали: „Вот и хорошо, забудет немец во сне".

Но немец не забыл. Ровно в шесть часов требует отца Тихона. А отец Тихона больной был, с печи не слезал. Взяли его фашисты, увели.

Вскоре соседка прибегает:

— Тихона отец в канаве мертвый лежит, немцы его расстреляли.

А самого Тихона больше никто не видал. Наверно, в лесу замерз.

НАШИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ!

Я сидел под печкой, держал на коленях больную Чипу.

Чипа всегда была моей свинкой, а Пыжик — Мишин любимец. Свинки заболели враз, в один день, — простудились в своем холодном углу за дверью.

Где-то далеко бухали пушки. Немцы к этой стрельбе прислушивались и о чем-то шептались. В избу вошел еще один немец и зажег на столе три свечки.

Я держал Чипу на руках, дышал на нее, чтобы согреть, но она все дрожала и так грустно глядела на меня своими красными глазками. Я тоже смотрел на

Чипу и вспоминал наш дом московский, маму и папу: увидим ли мы их?

В это время дверь открылась, и в клубах морозного пара показался старик. Он на санях немцев привез из соседней деревни. Старик подошел к Ефиму Егорычу и шепнул:

— Наши идут, тяжелую артиллерию везут!

Ефим Егорыч встал, расправил бороду и расцеловался со стариком три раза.

Ночь была очень беспокойная, артиллерия бухала все ближе.

Вдруг пулемет затрещал и замолк. В избу ворвался немецкий солдат, быстро-быстро залопотал по-своему. Тетя поняла, что он говорит:

— Дьявольская русская пушка...

Немцы одевались как попало и выскакивали во двор. Шульц-фотограф так торопился, что один сапог натянул, а другой бросил и босиком побежал.

— „По морозцу босиком по воду ходила!“ — вдруг запел Ефим Егорыч тоненьким голосом, и мы все засмеялись.

Но Ефим Егорыч нахмурился, закряхтел и отправился во двор сторожить — боялся, как бы немцы избу не подпалили.

Только им не до того было, так удирать торопились...

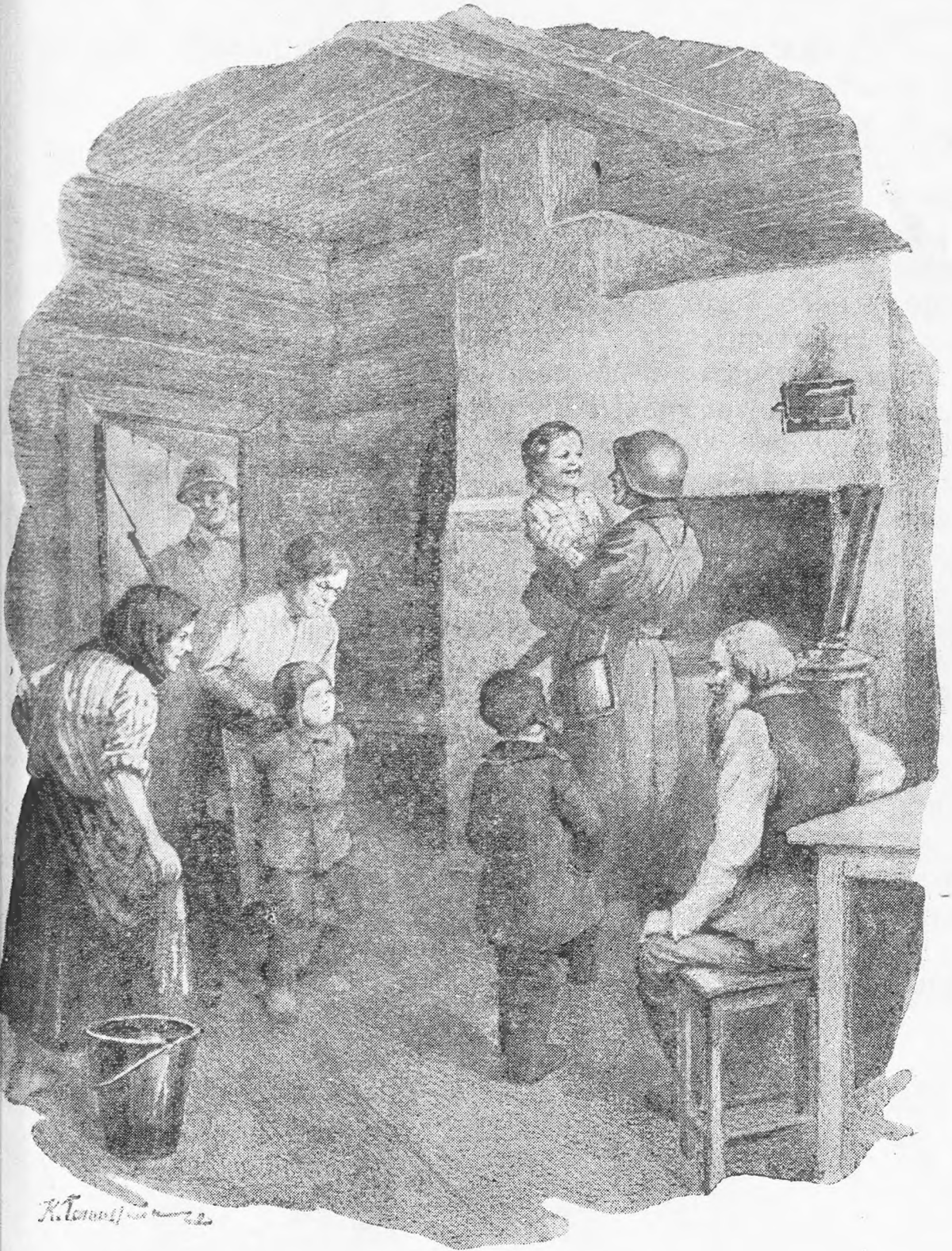
Утром Миша первым выскочил из избы.

По деревенской улице шли четыре разведчика в белых комбинезонах. Они шли, улыбались людям и палили в воздух из автоматов — знак своим подавали: выходите, мол, товарищи, вас здесь ждут!

Народ толпился вокруг разведчиков. Женщины и ребята старались хоть дотронуться до бойцов, не верилось, что свои пришли.

Хозяйка наша продиралась через толпу, приговаривала:

— Пропустите, люди, я с детьми!



На одной руке она держала Витю, на другой — Женечку.

— Гражданочка, отодвиньтесь. Сейчас пальну, как бы не задеть,— сказал разведчик.

А хозяйка как заплачет:

— Голубчик ты мой, я уж отвыкла, чтобы меня гражданочкой величали!

Ефим Егорыч затянул „Вставай, проклятьем заклейменный...“ Он стоял на морозе без шапки и пел, лицо у него было строгое, особенное. И все люди пели, как в праздник.

Какую суматоху подняла хозяйка в избе — чистку затеяла после немцев! Как на Первое мая.

Когда она вздувала самовар, в избу вошел лейтенант. Он со всеми поздоровался, поговорил с тетей, взял Катю на руки и сказал:

— Пойдем, дочка, домой!

И мы все пошли в наш дом.

Командиры накормили нас, напоили чаем и угощали тетю папиросами — она измучилась без курения. Очень хороший был вечер! Мы все болтали безумолку, рассказывали про немцев и радовались нашим.

Ночью все заснули так спокойно! Вдруг Катя со сна закричала:

— Ой, тетя, — сказала она, проснувшись, — мне приснился страшный немецкий сон. Скажи, немцы больше никогда не придут?

— Нет, девочка,— ответила тетя,— никогда, никогда! Спи спокойно...

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА